

Инна Баргинская

*Детектив
сильных
страстей*

Лев с Ножом в Сердце

Инна Юрьевна Бачинская
Лев с ножом в сердце
Серия «Детективный триумvirат», книга 5

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4578485
Бачинская И. Ю. Лев с ножом в сердце: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-60463-0

Аннотация

После долгого молчания в городе опять объявился неуловимый убийца по прозвищу Антиквар. Несколько лет назад его жертвами стали владельцы редких произведений искусства, и вот похожее преступление совершено вновь...

Лиза любила свою работу. Она отвечала на письма читательниц журнала, не уставая уверять их, что все будет хорошо, хотя у нее самой хорошего в жизни было мало. Мать бросила Лизу прямо в роддоме, ее заменила директриса детского дома, но недавно она умерла. Девушка осталась совсем одна... И вдруг в ее жизнь ворвалась мама Ира – с молодым мужем и крошечной дочкой. Непутевая родительница скрывала истинную цель своего приезда, но Лиза почувствовала ее напряжение и страх...

Лиза часто мечтала о возвращении матери, но даже не представляла, как это может повлиять на жизнь – и смерть! – очень многих людей...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Глава 8	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Инна Бачинская

Лев с ножом в сердце

*В низенькой светелке
Огонек горит,
Молодая пряха
Под окном сидит.*

*Молода, красива,
Карие глаза,
По плечам развита
Русая коса.*

*Русая головка,
Думы без конца...
Ты о чем мечтаешь,
Девушка-краса?*

Народная песня

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными людьми и событиями случайно и непреднамеренно.

Автор

Пролог

...Их было трое. Они вошли в подъезд, поднялись по лестнице, чутко прислушиваясь к звукам, доносящимся из квартир, усиленным коридорным эхом. На четвертом этаже вожак поднял руку – пришли. Он позвонил. Двое других стояли по бокам. Было слышно, как дребезжащий звонок разнесся по квартире.

– Кто там? – спросил старческий голос.

– Это я, Станислав Андреевич, – отозвался вожак. – Мы договаривались.

– Да, да, сейчас...

Старик погромел замками, и дверь открылась. Вожак шагнул в прихожую, тесня хозяйку. Двое других метнулись следом.

– Что такое... – пробормотал старик. – Что...

Больше он не успел ничего сказать. Он даже не успел закричать. Вожак ударил его топором в лицо. Бил, преодолевая страх, еще и еще, чувствуя, как нарастает ослепляющая злоба. Бил до тех пор, пока товарищ не схватил его за плечо. Тогда он обернулся с белым от ярости лицом – что? Брызги крови на его одежде казались черными...

Товарищ приложил палец к губам.

– Славик, кто это? – звала женщина из глубины квартиры. – Славик! Кто пришел?

Вожак бросился на голос...

Глава 1

Девушка с письмом

«...После этого он меня бросил. И женился на моей лучшей подруге, которая его у меня отбила. Хотя ничего особенного я в ней не нахожу. Они меня даже на свадьбу не позвали. Думали, я не знаю. Но я все знала. Все у нас знали.

Дорогая Катюша, что же мне теперь делать? Мало того, что меня бросил любимый человек, так еще и предала лучшая подруга. Как же они теперь жить будут? Ведь куда ни глянь – всюду я.

Мне и так тяжело, а тут еще приходится делать вид, что мне все по барабану. Я уверена, Сережа меня еще любит, а она его отбила. Задурила голову своим щебетом.

Дорогая Катюша, посоветуй, что мне делать, как выбросить Серегу из головы. Очень жду от тебя ответа.

С уважением, твоя Елена Д.».

Я положила письмо на стол и задумалась. Стрелка на электронных часах короткими рывками отсчитывала время. Было уже без трех шесть. Через три минуты народ побежит по домам. Сначала проскачет по длинному коридору звездное дитя редакции Аэлита. На очередное свидание, с чувством честно выполненного долга. Потом протопает бегом фотограф Сеня, толстый, сопящий, жующий на ходу булку – в вечерний дозор по кабакам и стриптиз-барам. Потом веб-дизайнер Смайллик, тощий рыжий недомерок с отсутствующим взглядом, уходящий, чтобы вернуться к десяти-одиннадцати – лучшие часы для работы – и повкалывать до третьих петухов.

Секретарша Нюся пронесет себя с достоинством, не спеша. На улице ее ждет вышколенный супруг с авто. Откроет дверцу, заботливо усадит супругу, без стука захлопнет. Нюся вымуштрует и хулигана-рецидивиста, и тот будет ходить по струнке, вытирать ноги, придя с улицы, и мыть руки перед едой. И даже вышивать крестиком салфетки. Нюся старше Коли на семь лет, характер у нее мерзкий, внешность сомнительная. Но держится королевой – спина прямая, лицо надменное, в глазах – лед. Единственный человек, вызывающий у Нюси положительные эмоции, причем вполне искренние, а не верноподданнические, – босс, или шефиня, Иллария Успенская, владелица и генеральный директор издательства.

Издательство! Громко сказано. Наше предприятие выпускает один-единственный журнал, правда вполне гламурный, для высшего света, с городскими сплетнями, новостями высокой, с позволения сказать, культуры, кулинарными рецептами и гималайскими диетами. А также занимательным из науки и техники – вроде сомнительных барабашек, летающих объектов, психогипноза, оккультных сфер и непознанного, которому и названия никто еще не придумал. С показаниями очевидцев.

Плюс полезные советы. Как! Как завоевать Его, как увлечь Его, как вести себя с Ним в постели, как довести Его до Дворца бракосочетаний. Советы раздает дипломированный психоаналитик Раиса Дурова, личность, модно сказать, культовая, она же – старая дева и истеричка.

На страницах журнала резвятся городские публичные фигуры: Регина Чумарова, законодательница мод, хозяйка дома моделей «Икиара-Регия» с советами прекрасному полу, как себя подать, чтобы завоевать Его, но уже не с точки зрения психологии, а наоборот, исходя из личных физических данных; а также как правильно одеваться и раздеваться, чтобы подчеркнуть одно и маскировать другое. И все это – с дальним прицелом залучить в дом моделей новых клиенток.

Актриса местного драматического театра красавица Станислава Вильмэ представляет стихи собственного сочинения, а потом театралы до драки спорят, кого она имела в виду под «черногласным андрогином» и что бы это вообще значило. Что бы это ни значило, слава поэта прочно закрепилась за этой дамой.

Жена мэра совершенно безвозмездно делится кулинарными рецептами своей бабушки. Ей не нужна слава, это милая и скромная женщина. Я дорого бы дала, чтобы взглянуть на смельчака, рискнувшего приготовить ее фирменный салат «Ямайка»: гречневая каша с корицей, маринованным горошком и сушеной клюквой, сдобренная оливковым маслом пополам с горчицей. Такое не выдумает ни одна бабушка! Евгения Марковна, художник-оформитель в прошлом, дама с огоньком и фантазией. Она уверена, что главное в блюде не вкус, а дизайн.

Одна из самых колоритных фигур редакции – визажист-косметолог Эрнст Шкиль, или просто Эрик, проникновенно смотрящий с фотографии подкрашенными глазками, существо странное, но вполне безобидное. Расторопный Эрик ведет также отдел знакомств «Позвони мне, позвони!», известный в кулуарах как «Красный фонарь», хотя фонарь Эрика скорее голубой, чем красный.

У нас в журнале процентов семьдесят крутой рекламы. От кожаной мебели, бижутерии и сотовых телефонов до всяких интимных штучек. Рекламой заведует предприимчивый Боря Гудков. Он же по совместительству – собиратель фольклора, понимай, всяких прикольных историй и анекдотов для рубрики «Давайте посмеемся», которые берутся из жизни, а также из Сети.

Типичная желтая пресса, одним словом. Называется скромно, без претензий: «Елисейские поля». Зато весело. Коллектив молодой, предприимчивый и нахальный, действующий по принципу: дозволено все, что не запрещено. И дядька их Черномор – главный редактор, он же отдел технического контроля, помнящий еще нормы родного языка, которые в старые добрые времена были известны каждому уважающему себя корректору, а сейчас уже – никому.

Читатель может заметить, что на единственном журнале, хотя и вполне гламурном, далеко не уедешь и не прокормишься. Верно, времена сейчас сами знаете какие. А потому мы выпускаем еще несколько негламурных: с кроссвордами, кухней народов мира, путеводителями по городу и окрестностям, а также куда пойти поужинать и развлечься. Словом, хочешь жить – умей вертеться! В умении вертеться нашей шефине Илларию нет равных. Я иногда думаю, почему одним все, а другим совсем мало? Нет, нет, не завидую! Илларию нельзя завидовать, как нельзя завидовать... ну не знаю... «Примавере» или «Моне Лизе»! Илларию... это Илларию!

Десять минут седьмого. Тишина. Самое приятное для работы время.

Я – «девушка с письмом», как называет меня наш главред, тот самый дядька Черномор. Зовут его Йоханн Томасович Аспарагус, причем «Аспарагус» – фамилия, а не кличка. Кличка у него Черномор, как вы уже поняли. Правда, креативный Эрнст Шкиль, который Йоханна терпеть не может, называет его то Артишоком, то Спаржей, то Огурцом или каким-нибудь другим овощем... Да мало ли! Тот не остается в долгу – с его легкой руки коллектив называет визажиста Шкодливый Эрик. Или Эрик Шкодливый, что даже красивее, прилагательное тут звучит как титул: Иоанн Безземельный, Филипп Красивый и Эрик Шкодливый!

Йоханн Томасович – прокуренный и пьющий человек лет шестидесяти с изрядным гаком. Опытный репортер, волк-одиночка, на котором держится вся наша шарашкина контора, давно махнувший рукой на содержание журнала и поддерживающий лишь форму. Тем более ему платят неплохо, что немаловажно.

Зовут меня Лиза Кольцова, и мне нравится моя работа. Самая живая, честная и полезная во всем издательстве. Читательницы пишут – я отвечаю. Пишут в основном про нераз-

деленную любовь. Про счастливую любовь не пишет никто, так что приходится выдумывать самой, чтобы подбодрить нашу аудиторию. Про счастливую любовь не пишут даже поэты, только брошенные жены и подруги, выплескивая свою боль и слезы чужому человеку из «Уголка писем Катюши». Так называется мой раздел на предпоследней странице журнала. Хотя что значит «чужому»? Я не чужая, я – своя, удобная рыдательная жилетка, а также плечо и локоть, на которые можно опереться в любой момент без перерыва на обед и выходных.

«Дорогая Катюша...» – начинаются письма. Название своему разделу придумала я сама. Сначала он назывался безлико «Ваши письма, наши ответы».

Почему Катюша, а не как-нибудь по-другому – «Уголок Лизы», например? Или Елизаветы. Не знаю. Как-то не звучит... А Катюша радуется слух – теплое, доброе имя.

Когда женщина, отвечавшая за рубрику, вышла на пенсию, открылась вакансия. Взяли сгоряча родственницу психоаналитика Раисы Дуровой – ярую феминистку, неприкаемую холостячку, которая громила «всяких дур» за беспринципность и пошлость.

За короткое время Виктория – так ее звали – затюкала бедного Йоханна до такой степени, что он стал хвататься за сердце при любом подозрительном шуме и носить во внутреннем кармане бесформенного пиджака валидол. Кажется, даже перестал пить. Или продолжал, но гораздо меньше и безо всякого удовольствия. Чувство юмора стало ему изменять, мизантропия крепчала с каждым днем.

В один прекрасный день он пришел к Илларию и сказал: или я, или Виктория. Илларию, сузив глаза, долго рассматривала главреда, представляя себе реакцию неуравновешенной Раисы Дуровой, потом сказала: «Конечно, вы, Йоханн Томасович. Все будет так, как вы хотите».

Психоаналитик Раиса Дурова ворвалась было в кабинет Илларию через голову Нюси, но Успенскую голыми руками не возьмешь: та еще штучка. Она дала Раисе выкричатся, а когда та наконец закончила, сказала ледяным тоном: «Вы забываетесь, Раиса Филимоновна. Прошу вас оставить кабинет, я очень занята». А когда Раиса рыпнулась продолжать, Илларию поднялась и вышла из своего кабинета сама. Она поступила как дама, хотя дамой не является. Илларию актриса и хищница.

«Наш зверинец», – называет редакцию Йоханн. Или «виварий». С изрядной долей нежности, необходимо заметить, так как журнал, как ни крути, его детище. А гадких детей, говорят, крепче любят. Кстати, это он принимал меня на работу. Когда я, совершенно случайно увидев объявление о вакансии на их сайте, пришла наниматься, меня отправили к главреду Аспарагусу. Подивившись необычной фамилии – у меня даже мелькнула мысль, что это кличка, – я отправилась на randevу. Большой и внушительный Йоханн показался мне монументом. Оторвавшись от чтения рукописи и просверлив меня испытующим взглядом, главред предложил мне сесть. Покопавшись в грудке бумаг, достал несколько разноцветных конвертов. «Домашнее задание, – сказал он, протягивая мне конверты. – Сделаете и принесете завтра. И запомните, если они пишут сюда, значит, действительно припекло, пожалейте их. В мире совсем не осталось жалости, вы не находите?»

Длинный, тощий, жилистый, до карикатурности стилизованный под прибалта (но, в отличие от соотечественников, как оказалось впоследствии, не флегматичный, а, наоборот, скорый на язык и подвижный), Аспарагус смотрел на меня, склонив голову набок и почесывая желтым от никотина пальцем лохматую бровь. Я, в свою очередь, рассматривала оттопыренные уши редактора, его крупный хрящеватый нос – такие носы принято называть «настоящими мужскими», пронзительные птичьи глаза сизого цвета и мощный лоб мыслителя, увеличенный обширной лысиной, кадыкастую шею, клетчатую, плохо отглаженную рубашку и бордовый галстук с узором из зеленых листьев. В его кабинете стоял застарелый запах табака.

Аспарагус просмотрел мои ответы на письма читательниц раз, другой. Потом долго рассматривал меня, вытягивая губы трубочкой и шевеля ушами. Затем спросил, почему я ушла из библиотеки.

– Я не ушла, – ответила я. – Меня сократили. В городском бюджете нет денег на культуру.

– Пишете?

Я пожала плечами.

– В каком жанре? Любовная лирика небось? Стишата?

– Научная фантастика, – брякнула я. – Пришельцы из космоса.

– Ага, – отозвался он, несколько не удивившись. – Дадите почитать?

– Дам, – ответила я.

– В таком случае идите в бухгалтерию, скажите, пусть вас оформляют в отдел писем. Вместо Виктории. – Последнюю фразу Йоханн выговорил с особым удовольствием, ухмыльнувшись. – А ведь все равно небось о любви? – вдруг спросил он мне вслед. – Какая же научная фантастика без любви?

Я обернулась от двери и ответила:

– Никакой. Конечно, о любви.

Он только хмыкнул и снова опустил нос в бумаги...

«... и теперь я не знаю, что мне делать, дорогая Катюша. Я все время жду, что он позвонит, ни о чем другом думать не могу. Моя подруга Валя говорит: дура, пошли в бар посидим, пусть он видит, что тебе как бы наплевать. А я думаю, если он меня там увидит, то подумает, что я его забыла, и вообще никогда больше не позвонит. Может, он поймет, что я люблю его, и вернется? Как ты думаешь, Катюша?»

Я вздохнула, отложила письмо. Посмотрела на часы. Половина седьмого. В семь заявится Йоханн. Покалякать за жизнь, узнать, как я, что новенького, и слегка подремать в потрепанном «дворцовом» кресле в углу комнаты. Около восьми он уйдет к себе – работать, читать, – не материалы для очередного номера, упаси боже, для этого есть рабочий день, а классиков, – и пить в тишине. Возможно, останется ночевать на старом кожаном диване. По слухам, главред был женат три раза, у него четверо детей по всему бывшему СССР и характер одиночки-работоголика. Просто удивительно, как он ухитрялся так часто жениться. Скорее всего, не мог устоять под давлением предприимчивых соискательниц, справедливо полагая, что легче уступить, чем сопротивляться.

Йоханн – отличный мужик, разве что ироничен больше, чем хотелось бы. Но он мужик, и этим все сказано. Чувствуется в нем надежность и кондовая основательность, а также старомодность и некие неписанные идеалы прежних поколений. Мне Йоханн напоминает старую мощную корягу, торчащую из земли, которую, кстати, давно пора выкорчевать и выбросить на свалку истории, как считают некоторые – тот же Шкодливый Эрик или звездная Аэлита. Но умная Иллария держит Йоханна в коллективе в качестве противовеса и предохранителя, а также крутого профессионала старой закалки, который знает, как «делать прессу». Или, выражаясь современным языком, обладает ноу-хау.

– Как жизнь, Лизавета? – спрашивает Йоханн, выростая на пороге моей комнаты и рас пространя вокруг себя удушливый запах табака. Цвет и блеск лысины, а также носа свидетельствуют о том, что главред принял первую вечернюю дозу коньяка и готов расслабиться.

– Хорошо, Йоханн Томасович, – отвечаю. – А как вы?

– Отлично! – говорит он с энтузиазмом. – Вот пройду по редакции, и за работу. Что пишут?

– Пишут о любви в основном.
– Ясен пень. А вот интересно, Лизавета, мужчины тоже пишут или страдает один только прекрасный пол?
– Пишут, но редко.
– Интересно, о чем?
– Один человек спросил, почему любят только красивых и с деньгами.
– И что вы ответили? – заинтересовался Йоханн.
– Я ответила, что он не прав и любят всяких.
– А вы не сообщили ему, что у всякого человека есть его половинка и надо только найти? И дожидаться.

– Именно это я ему и сообщила.
– Да... – вздыхает Йоханн. – Инерция мыслительного процесса. Хотя, с другой стороны, на всех пишущих свежих мыслей не напасешься. Как продвигается роман о пришельцах?

– Хорошо. Да вы садитесь, Йоханн Томасович, – спохватываюсь я. – Пожалуйста.

Он усаживается в «свое» кресло в углу, вытягивает длинные ноги, слегка распускает узел галстука, бормоча при этом «с вашего позволения». Достает плоскую походную фляжку черного серебра, отвинчивает крышечку, похожую на наперсток, и наливает в нее коньяк. Смотрит на меня взглядом человека, довольного жизнью. Произносит:

– Ваше здоровье, Лизавета! – и опрокидывает наперсток. Закрывает глаза, прислушиваясь к ощущениям. – Да, так что там с пришельцами? – благодушно спрашивает он через минуту, открывая затуманенные глаза.

– С ними все в порядке. Летят на Землю.

– Послушайте, Лизавета... – перебивает он меня. – Вы красивая женщина (я хмыкаю), умная, с чувством юмора... истинным, глубинным. У вас прекрасные волосы... Вы сокровище, Лизавета, вы сами не знаете, какое вы чудо! Я завидую вашему мужчине. Честное слово!

– Спасибо, Йоханн Томасович, – отвечаю я скромно. Это у нас такая игра. Ритуал, дружеский треп после рабочего дня. Он вроде как приволакивается за мной, я вроде кокетничаю в ответ и не очень верю. Он настаивает, я продолжаю кокетничать, и так далее. Беда в том, что я... неопасна. Я умна, у меня есть чувство юмора, я все понимаю правильно. Я свой парень. Шефиня Иллариия, например, хищная женщина. Заместитель Йоханна Аэлита – глупая. Йоханн называет Аэлилу генетической ошибкой. Секретарша Иллариии Нюся – вредная баба. Регина Чумарова, наша законодательница мод, вздорная дама. Я же – свой парень. Парень!

– Выходите за меня, Лизавета! – говорит вдруг Йоханн.

Я возряжусь на него – так далеко мой начальник еще не заходил. Он смотрит на меня вполне трезво и настороженно. И впрямь не шутит.

– Я подумаю, – отвечаю осторожно.

– Только имейте в виду, – предупреждает он, – я продолжаю пить и курить. Пил, пью и пить буду. И курить. Никаких дамских штучек насчет бросить, понятно?

Я вздыхаю с облегчением – шутит. И говорю:

– Тогда даже не знаю, Йоханн Томасович... Точно не бросите?

– И не надейтесь! – отвечает он твердо, мотая в воздухе указательным пальцем. – Не брошу.

Мы треплемся в таком духе до восьми. Ровно в восемь Йоханн удаляется, поцеловав мне руку на прощанье. Я берусь за очередное письмо, стараясь не смотреть на телефон, хотя крохотные молоточки внутри головы деловито стучат, отсчитывая время.

Восемь пятнадцать. Никак не могу сосредоточиться. Читаю письма по второму кругу.

«Дорогая Катюша, а что бы ты сделала на моем месте?» Что бы я сделала на ее месте? Я не знаю, что делать на своем. Но бодро отстукиваю ответ: «Дорогая Лена, я внимательно прочитала твое письмо. Я понимаю твою обиду, но... поверь мне, ничего страшного не произошло. Твой парень совершил ошибку, с кем не бывает. Прояви великодушие и прости его. Только слабые не прощают...»

Резкий звонок телефона застает меня врасплох, и я вздрагиваю. Бросаю взгляд на часы – половина девятого. Ровно. Помедлив секунду, беру трубку. «Лиза, Элизабет, Бетси и Бесс...» – говорит знакомый мужской голос, и слова эти звучат как пароль. Голос низкий, теплый, ласковый, как у... был когда-то такой американский певец – Пэт Бун, гудел-мурлыкал басом свои песенки, и мурашки точно так же бежали у слушательниц вдоль позвоночника...

– Да, – бормочу я в трубку внезапно осевшим голосом. – Да...

Глава 2

Возвращение

Павел Максимов позвонил в знакомую дверь. Ничего не изменилось за долгих восемь лет – так же глухо тренькнуло в глубине квартиры, только вместо легких быстрых шагов Оли раздались шаркающие, тяжелые и незнакомые. Некоторое время его изучали через глазок, потом дверь распахнулась. Постаревший и какой-то облезлый Юра стоял на пороге, всматриваясь близорукими глазами в гостя. Круглый животик, плешь на макушке, затрапезная линия рубашка с расстегнутым воротом и замызганные тапочки на босу ногу. Юра никогда не считался красавцем, он был нормальным, в меру жизнерадостным мужиком, с которым Павел не слишком дружил – поддерживал отношения по-родственному, не более. Сейчас же перед ним стоял угасший человек, изрядно потрепанный жизнью.

– Привет, Павлик, – произнес Юра и посторонился, пропуская его. – А мы уже заждались.

Он пошел следом за гостем, не зная, что еще сказать. Павел по старой памяти свернул на кухню. Сестра Маша повернулась от плиты – постаревшая, с тощей жилистой шеей, подпоясанная кухонным полотенцем. Шагнула ему навстречу, обняла, прижалась головой к груди. Шмыгнула носом и вдруг заголосила дурным голосом: «Павлик, братик! Вернулся!» За столом сидел ребенок – мальчик, которого он помнил совсем крохой, – и во все глаза смотрел на гостя. Племянник.

– Ну, будет, Маша, – неловко произнес Павел. – Все, все... – он похлопывал ее ладонью по спине, а она, скривив лицо, плакала. Юра беспомощно топтался рядом.

– Давайте за стол, – Маша, наконец, оторвалась от него, вытерла слезы полотенцем. – Садись, Павлик. Юра!

– Да, Машенька, – отозвался тот, вскидываясь.

– Доставай, в холодильнике!

Юра вытащил из холодильника бутылку водки.

– Сели! – скомандовала Маша. – Открывай!

Выпили.

– Лешенька, это твой дядя Павлик, – обратилась Маша к мальчику. – Он работал на Севере...

Мальчик украдкой разглядывал дядю, и Павел почувствовал досаду – не догадался купить подарок. И дурацкое упоминание о работе на Севере... О том, что он сидел за убийство жены, знали все. Весь дом. Да что там дом – весь город!

И квартира эта была его. Когда-то, восемь лет назад, Маша написала ему в колонию, попросилась пожить у него, времена, мол, тяжелые, а там нужно топить, дров не напащешься, ребенок маленький... Там – это в Посадовке, где у них дом, родительский еще. Забытый богом частный сектор с раздолбанным асфальтом, небогатым продуктовым магазином, парой скудных лавок и мерзостью запустения повсюду был известен в народе как Паскудовка. В свое время, женившись, Павел переехал в город, где купил квартиру. Дела у него шли хорошо, деньги водились. А сестра осталась полновластной хозяйкой посадовского дома, чему была очень рада. Мама прибаловала и ни во что не вмешивалась. Отец целые дни проводил в саду под яблоней, играл в шахматы сам с собой. А зимой жил в кабинете.

Юра сидел, опустив глаза в тарелку, явно испытывая неловкость. Хотя обстоятельства так скрутили его, что он давно уже плюнул на все и тащился по жизни как придется. В свое время он был главным инженером инструментального завода, недолго правда, меньше

года. Считалось, у него есть будущее. И женился он по любви – на лаборанточке Машеньке, тоненькой, светлой, нежной. Много воды утекло с тех пор. Комбинат по частям продали. Ему места нигде не нашлось – не хватило ни ловкости, ни нахальства. Машенька превратилась в вечно недовольную, рано постаревшую бабу, хотя какие их годы! Жизнь худо-бедно наладилась – не голодают, машина есть, Маше недавно шубу купили изнутри. Не миллионеры, конечно. Не получился из него бизнесмен, не всем дано. Но Маша этого не понимает, тормозит и пилит: ты мужчина – значит, должен обеспечить, достать, принести в дом, посмотри, как живут другие. Слава богу, по старой памяти устроил его один человек в госструктуру – антимонопольный комитет. Так, никем, мелкой сошкой. И зарплата, как у всякого бюджетника, не разгонишься, на казино не хватает, и на Испанию тоже... Зато дача есть! То есть родительский дом. По вечерам Юра до упора сидит на диване, тупо уставившись на экран телевизора, смотрит всякие ток-шоу, пропуская мимо ушей наставления Маши. Или лежит. Иногда засыпает с раскрытой книжкой на груди. Каким-нибудь крутым детективом, где много крови и драк. Чувство отчаяния, охватывавшее его раньше, отпустило – человек ко всему привыкает. И не всякий «человек» звучит гордо. Иной звучит слабо или просто молчит. Не всем дано, считает Юра. Вернее, раньше считал. Пока не махнул рукой на все, и на себя в том числе.

– Братик мой дорогой, – кривит рот Маша, собираясь заплакать, а глаза настороженные. Ожидая возвращения Павла, она вся извелась – что же будет с квартирой? После жизни в городе ей не хотелось возвращаться в Паскудовку. Никак. И школа рядом...

Она измучила Юру всевозможными сценариями того, как нужно действовать и что говорить. Ты мужчина, внушала она мужу, поговори с Павлом. Объясни ему, что мы привыкли здесь, Лешенькина школа рядом. Мы, наконец, платили за квартиру и ремонт сделали за свой счет, пусть будет благодарен! Ему все равно, он один. Ему же лучше, если соседи вообще не будут знать, что он вернулся. Она договорилась до того, что вдруг выпалила про какое-то письмо, якобы написанное в полицию соседями дома – не хотят они, мол, жить рядом с убийцей. По тому, как внезапно она замолчала, Юра понял, что мысль о письме пришла ей в голову прямо сейчас, на ходу, и она сама слегка испугалась и застыдилась. Он смотрел на бледное лицо жены, еще миловидное, с каким-то тоскливо-голодным выражением и вечной жалобой в глазах: мало, мало, дайте еще, вон у других... вон у других все есть! Манера жаловаться и прибедняться, прятать куски на черный день по всяким тайным углам, покупать впрок то десять пар колготок, то полсотни пар мужских носков, то постельного белья на целую армию, то стирального порошка. Все в норку, все упрятать, все под замок. Поспать можно пока и на старых простынях, а носки заштопать. Не велик барин. Юра прочитал в одной книге, что это называется комплекс нищеты и не зависит от человека. Машу можно понять, они пережили несколько тяжелых лет, пока он был без работы, а тут ребенок подрастает, нужны соки, детское питание, бананы. Ее можно понять, но с души воротит. Так жизнь проходит в набивании защечных мешков...

– Павел твой брат, – ответил он тогда, – сама с ним и говори. Мне все равно, где жить. Могу и в Посадовке, там хоть воздух свежий.

Ну и получил в итоге по первое число. Маша вспомнила все его грехи за долгую супружескую жизнь. И неумение заводить связи, и неповоротливость, и леность, и ремонт, который всегда на ней. Юре врезалось в память: ремонт всегда на ней. А хотелось праздника на двоих.

– Павлуша, – заискивающе начала Маша, – а что ты собираешься делать? У нас тут безумно трудно с работой... Ужас, что делается. Как ты думаешь дальше-то жить?

Павел пожал плечами. Больше всего ему хотелось убраться прочь. Он устал с дороги, нездоровое лицо сестры напрягало. Юра тоже квелый какой-то, безрадостный.

– А давайте еще по одной! – вдруг вмешался Юра, у которого от подходов Маши, шитых белыми нитками, начали ныть зубы.

– Наливай, – разрешила Маша, подставляя свою рюмку.

Они снова выпили. Юра от выпитого стал словно меньше ростом. Разговор буксовал. Маше страшно хотелось взять быка за рога, но она побаивалась брата – всем известно, какими оттуда выходят. Вдруг припадочный стал, буйный... и вообще, ведь убил! Убил же! Сын сонно тарачил глаза, и Маша сказала наконец:

– Ну, вы, мальчики, тут поговорите, а я пойду Лешку уложу. Леш, скажи дяде Павлику спокойной ночи. – Она выразительно посмотрела на мужа, но он сделал вид, что не заметил ее взгляда.

– Павел, я рад, что ты вернулся! – Юра впервые посмотрел шурина в глаза. – Честное слово. Ты не думай, мы неплохо живем, у меня есть работа. Маша выучилась на закройщицу, устроилась на хорошее место. – Он положил руку на плечо Павла, сжал слегка. Тут же испугался своего порыва и убрал руку. – Знаешь, я как-то друзей старых подрастерял. А новых не завел. Некоторые пошли в гору, говорили, заходи, старик, конечно, поможем, не вопрос, но ведь никто не помог... – Он потянулся за бутылкой. – Случайный человек помог. Знаешь, чувствуешь себя таким ничтожеством, ничего... ничего не можешь сделать. Тонешь, а выкарабкаться не в состоянии! Страшно... – Он говорил о себе, вспоминая, как обивал пороги, ходил на биржу, звонил по объявлениям, но получилось вроде как про Павла. Юра понял и смутился. – Давай! – Он поднял рюмку. – За возвращение! За новую жизнь!

Они выпили. Юра положил Павлу на тарелку вареной картошки, копченой рыбы, салат. Ему хотелось спросить о чем-то, он бросал на брата жены короткие взгляды. Наконец решился:

– Павлик, как... там было? Ты почти ничего не писал.

Павел пожал плечами:

– Ничего. Сначала... – он задумался на миг, – сначала непривычно. Потом привык. Такая же работа, как и раньше, механиком.

– Понятно, – пробормотал Юра. У него были еще вопросы, но задать их он так и не посмел. – Слушай, тут твой дружок звонил, с которым вы бизнес крутили, спрашивал про тебя, – вспомнил он. – Андрей.

– Когда?

– Недели две назад. Ты бы к нему зашел, может, с работой поможет...

– Зайду, – ответил Павел. – Конечно, зайду.

Больше говорить им было не о чем. В свое время дружбы между ними не получилось. Они и виделись-то нечасто. Юра знал, что Маша просила брата помочь ему с работой, устроить к себе на фирму, но Павел то ли не смог, то ли не захотел. Люди стали неохотно помогать друг другу.

Позже, когда Павла уже не было и они жили в городе, он иногда убегал на время в Посадовку, чтобы передохнуть, но Маша под предлогом заботы доставала его и там – приносила еду и чистые носки. А Юре от ее скорбно поджатых губ становилось еще хуже. В итоге он возвращался домой.

Павел сидел, глубоко задумавшись, уставившись тяжелым взглядом в тарелку. После водки ему захотелось спать. Юра тоже молчал, не зная, что сказать. Голос Маши долетал из комнаты мальчика. Кажется, она читала ему.

– Юра, – произнес вдруг Павел, и тот встрепенулся. – Пойду я, наверное. Вы не против, если я поживу в доме?

Юра побагровел. Ему показалось, что Павел прочитал его мысли – он все прикидывал, как бы сказать ему... или дать понять насчет дома...

– Поживи, конечно, – поспешно ответил он, испытывая страшное облегчение. – А можешь и здесь... Как хочешь. Это же твоя квартира, – добавил великодушно и покосился на дверь.

– Я думаю, лучше пока там, – ответил Павел, понимая Юру и сочувствуя. Он никогда его не интересовал – у него, Павла, была своя жизнь. Прекрасная работа, деньги, поездки за рубеж – жизнь сильного, удачливого человека. У него была Оля. И все это кончилось однажды... к сожалению. Он не задумывался, где будет жить, но сейчас остро осознал, что здесь, в этой квартире, где они обитали вдвоем с Олей, он не сможет. Он помнил, как она бежала открывать ему дверь, помнил ее легкие шаги... Помнил, как она бросалась ему на шею... Все здесь напоминало ему о жене.

– Мы отвезли туда твои вещи, – заторопился Юра. – Книги, лыжи, одежду. А компьютер Лешке отдали. Подумали, ты себе новый купишь, зачем тебе старье? Сейчас Маша придет, все расскажет.

– Я пойду, пожалуй. Устал. Давай ключ.

– Сейчас, – ответил Юра. – Там и газ есть, и свет. И... – заколебался он, пряча глаза. – Я даже телефон подключил. Недавно.

– Отлично, – ответил Павел, желая лишь одного – распрощаться поскорее.

– Ты, Павлик... – начал Юра, оглядываясь на дверь и понижая голос. – Там это... там кое-какие мои вещи.

Павел кивнул.

– Ты не говори Маше – наконец, выдал из себя Юра. – Не нужно, чтобы она знала, лады? Я иногда бывал там... даже ночевал, когда она лежала с Лешкой в больнице....

Павел с внезапным интересом взглянул на него: неужели женщину приводил?

Юра между тем уже рылся в ящике буфета в поисках ключа. У него был свой, но он не спешил его отдавать. Искал запасной для Павла. Нашел наконец, протянул.

– Спасибо. – Павел сунул ключ в карман и поднялся.

– Подожди, – Юра тоже вскочил. – Я сейчас Машу... Подожди!

– Не нужно, – ответил Павел.

– Подожди, она положит тебе продукты! – Он выбежал из кухни и через пару минут вернулся с Машей. Сестра сияла из-за услышанной новости.

– Павлик, куда же ты? – фальшиво суежилась она. – А чай? Я пирог испекла.

– Спасибо, Машенька, – ответил Павел. – Пойду я. Поздно.

– Ты хоть дорогу помнишь? – Маша, улыбаясь, смотрела на него, давала понять, что шутит. – Тут рядом остановка автобуса, Юра проводит. Я тебе сейчас поесть соберу. Там же ничего нет. Положишь в холодильник, а завтра разогреешь. Там и магазин есть, и кафе, даже бар. И новые дома строятся. Наш дом хотели купить, но мы тебя ждали. Цены растут, ужас просто! Вообще там хорошо, свежий воздух, зелень, деревья. Я приеду в воскресенье, приберусь. – Она говорила возбужденно, радуясь, что все так безболезненно разрешилось. Накладывала салаты в баночки, колбасу и сыр в пластиковые коробочки. Заворачивала в салфетку пирог. Поколебавшись, сунула жестянку чая.

– Хватит, Маша, – сказал Павел. – Куда мне столько?

Она выпрямилась, посмотрела на брата и вдруг заплакала.

– Прости меня, Павлик, – всхлипывала она. – Какая жизнь жестокая... Как все получилось... Но ты не думай, мы с тобой. Мы всегда с тобой. Ты мой старший братик, любимый, помнишь, как мы в детстве... ты всегда меня защищал...

Юра стоял, опустив голову. Павел шарил в карманах – не помнил, куда сунул ключ. Маша шмыгала носом, вытирала слезы и смотрела на него сияющими глазами. Ушли куда-

то мелочные расчеты, опасения, досада. Она словно сейчас только поняла, что вернулся ее брат, единственный, которым она так гордилась и которого очень любила, умница, сильный, удачливый. А ведь как его подкосило, куда все ушло – постарел, почернел, взгляд жесткий, седина на висках. И эта одежда – дешевый пиджак, грубая кожаная куртка, грубые ботинки. Ей стало жалко брата, и впервые она подумала о том, что он пережил там...

Наконец сцена прощания завершилась. Павел прижал к себе сестру, пробормотал что-то о подарке для Лешки, который за ним, и они с Юрой вышли.

– Недолго, – по привычке приказала Маша вслед мужу и тут же добавила, смутившись: – Посадишь Павлика на автобус, он же ничего тут не знает. А я приеду в воскресенье, помою окна, приберусь. Мы все приедем. Надо рассаду купить, помидоры, огурцы. Устроим субботник.

Мужчины вышли на улицу. Ночь стояла тихая, прозрачная, полная запахов молодой зелени и мокрого асфальта. Недавно прошел легкий дождь, воздух был сладкий, и дышалось удивительно легко. Юра закурил, предложил сигарету Павлу. Стояли, дымили вместе.

– Ты знаешь, – сказал вдруг Юра, – я иногда думаю, что... – Он запнулся, не умея выразить словами то, что чувствует. – Я думаю... Жизнь продолжается, одним словом. И особенно понимаешь это... в такую ночь. Весна... просто душу переворачивает! – Он прерывисто вздохнул. – А мы сидим перед ящиком, смотрим до одурения! Или лежим. Господи, что мы смотрим! О чем говорим!

Павел кивнул неопределенно. Было уже около двенадцати. Свет фонарей отражался в мокром асфальте. Дождь и ночь разогнали людей, улица была пуста.

– Автобус редко ходит, – сказал Юра, словно оправдывался. – Поздно уже.

– Ты иди, Маша беспокоится. – Павлу хотелось остаться одному. – Я доберусь.

– Знаешь, я бы тоже махнул с тобой... – сказал Юра с тоской. – Там хорошо сейчас, трава... Скоро яблони зацветут, сирень. А потом черемуха. Там всегда хорошо, даже зимой. Я как-то надумал построить камин, но Маша не захотела. Веранда... Тишина вокруг... Звезды. Сидишь, думаешь... На полу кружка крепкого чая... Синяя...

Павел взглянул на него – что это с ним? Лицо Юры было печально-сосредоточенным.

– Поехали со мной, – предложил он, смутно чувствуя, что тому хочется услышать именно это.

– Я бы... запросто! – оживился Юра. – Хоть сейчас. Послушай, а ты не мог бы сказать Маше, что я тебе вроде как нужен там... ну, привести все в порядок, а?

Павел не успел ответить, и Юра ответил себе сам:

– Она не разрешит. Говорит, что всегда беспокоится, когда меня долго нет. Ладно, мы приедем в воскресенье. Да, Маша не знает, что я туда ездил... иногда. Не говори ей.

– Я понял, не скажу. Ты бы шел уже, первый час.

– Да-да, иду, – заторопился Юра, но все топтался рядом, не уходил.

– Я пойду, – сказал наконец Павел. – Тачку буду ловить по дороге.

Они пожали друг другу руки, и Юра с сожалением ушел. Нежелание возвращаться домой читалось в его сутулой спине, медленной походке, в том, как он остановился и снова закурил, оглянулся на Павла, махнул рукой.

Через пару кварталов Максимов тормознул частного. Тот, услышав, куда ехать, стал отказываться, но Павел сказал, что ему только до центра, где магазин, а дальше он доберется сам. Шофер подозрительно смотрел на высокого худого мужчину в дешевой одежде, с дешевым чемоданом, нутром угадывая в нем человека оттуда.

– Послушай, начальник, – сказал Павел, – я там живу. Последний автобус ушел, остаюсь на улице. Скажи, сколько, заплачу вдвое...